

Николай Ерышалов

Каратели Пьяного Поля

*Часть сборника
Мир фантастики 2010. Зона
высадки (сборник)*

Николай Ерышалов

Каратели Пьяного Поля

«АСТ»

2010

Ерышалов Н.

Каратели Пьяного Поля / Н. Ерышалов — «АСТ», 2010

Еще один фланер, но уже другого класса существ, явно не пролетарий, но всем своим видом пытавшийся сойти за него, прошел по противоположному тротуару и свернул в другие дворы. Преувеличенно беспечно, излишне настойчиво насвистывая навязший в ушах мотив. Который только что, слышал Георгий, гармонист на вокзале наяживал. Что, тоже с вокзала шел? За мной?

Содержание

Каратели Пьяного Поля	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Ерышалов

Каратели Пьяного Поля

Черт, как это у них называется? У-ком? А фамилия нужного нам товарища? Запискин?

– Уком на Николаевскую переехал, – охотно объяснил служащий, с виду – железнодорожник, к которому обратился Георгий за разъяснениями. – Это тебе в центр надо. Товарищ Засыпкин? По продовольствию? Так это прям здесь. Видишь, вагоны под загрузку стоят? Дойдешь до них, свернешь в улицу. Ровно пять минут ходьбы от крайнего рельса. Там еще часовой у подъезда торчит.

Часовой, отставив винтовку, сидя спиной к крыльцу, чистил картошку, стряхивая длинные ленточки шелухи себе на сапог. На очистки косился белый гусак, но не решался приблизиться.

Надо же, гусь. Живой. Жирный. В свободном фланировании по утоптанному, без единого стебля травы, двору.

Еще один фланер, но уже другого класса существ, явно не пролетарий, но всем своим видом пытавшийся сойти за него, прошел по противоположному тротуару и свернул в другие дворы. Преувеличенно беспечно, излишне настойчиво насвистывая навязший в ушах мотив. Который только что, слышал Георгий, гармонист на вокзале наяривал. Что, тоже с вокзала шел? За мной?

Часовой на Георгия не обратил внимания. Заходи, расстреливай советскую власть. Георгий вошел.

В помещении было всего две двери. На левой висел замок. Правая была настежь распахнута. Человек в солдатской, не однажды усердно стиранной гимнастерке, сидел за конторским столом и смотрел на дверь. Вероятнее всего, он Георгия еще в окно увидел. Подойти, что ль, руку пожать? Как у них нынче принято?

– Не вы ль председатель всего этого? – спросил Георгий.

– Засыпкин. Заведующий. Геннадий Егорыч. Чем могу?

– А я Егор Геннадьевич. Первач.

– А-а... Товарищ Первач! А мы тебя только завтра ждали!

Заведующий встал, Георгий тоже шагнул навстречу. Рукопожатие, таким образом, состоялось.

– Это вы напрасно. Я твердо знаю, что вам телеграфировали именно о моем сегодняшнем прибытии.

– Конечно... – несколько поубавил радушия заведующий продовольствием. – Тебе лучше знать... Коль уж ты из чека...

– Я не из ЧК.

– Н-ну... – растерялся завсекцией. Был он не по-начальственному суетлив. Возможно, что недавно облачился во власть. – Ну, как там в Питере? – спросил он, видимо, лишь для того, чтоб его «н-ну» не пропало зря.

– И не из Питера.

– Что ж... А предьяви-ка, друг любезный, мандат, – рассердился на свою растерянность заведующий. Приезжий предьявил. – А то был тут один до тебя... Без мандату, – продолжал заведующий Засыпкин, рассматривая документ на свет. – Все в Пьяное Поле рвался. Так я его задержал, две недели у меня в подвале сидел вместе с саботажниками и паникерами. ООБПП... Это что за хрень?

– Особый отдел по борьбе с предрассудками и поповщиной. Знаете, если б я документ подделал, я бы другую аббревиатуру придумал. Но что есть, то есть.

– Что ж это край обгорел?

– Это в схватке с нечистой силой.

Засыпкин тем же придирчивым взглядом, которым мандат рассматривал, оглядел приезжего. Однако ничего, что не соответствовало бы его представлению о подобных борцах, не обнаружил. Кожан, маузер в кобуре. Лет, может быть, тридцать, иль тридцать пять – от силы.

– У меня на девять ноль-ноль собрание продактива, – сказал он, возвратив документ. – Давай-ка перенесем наш разговор на...

– А у меня командировка всего на сутки, – перебил приезжий. – И ни часом более я не задержусь. Так что с вашего благословения или нет, а я тотчас выезжаю.

– На чем? – поинтересовался Засыпкин. – Ладно, двигай стул. Садись. Дело действительно... того... незаурядное. Ты еще не знаешь, но у меня вчера в Пьяном Поле продотряд пропал. Наши ребята с депо, да товарищ Прозапас с тремя матросами из губернии. Всего двенадцать человек на восьми подводах отправились. А вернулись двое всего, живые, но невменяемые. Я их в подвале держу, чтоб не сеяли панику. Остальных мертвыми на тех же подводах назад привезли.

– Десять человек?

– Девять. Плюс местного актива четверо. Тринадцать, значит. А один не нашелся совсем.

– Что же, местные вырезали?

– Эх... местные... Если бы так, я бы и без тебя справился. ЧОН в соседней волости стоит. В Сенькино. Взвод товарища Деримедведева. Только команды ждет, чтобы Поле атаковать. Да я попросил приостановить акцию до твоих разбирательств. А пока он прием фуража от населения производит.

Из открытых дверей понесло махорочным дымом. Видно, собирался актив. Засыпкин встал и закрыл дверь. Заходил по кабинету. Речь его сделалась торопливей.

– Насчет продразверстки, конечно, сильно роптали. Ибо эта деревня на хлебоотдачу особо туга. С Рождества стали гнать самогон, чтоб, значит, меньше хлеба властям досталось. В каждом дворе, а их более сотни. Дым над банями днем и ночью валит. Варят и пьют. Варят и пьют. В поле никто не вышел. Посев сорван. Чем жить собираются? Осенью по уезду опять недобор.

– Считаете, что банда орудует? В отрыве от местного населения? Без помощи местных банда и недели не просуществует в лесах.

– Банда. Конечно, банда. Отряд упырей. Отборных. Упитанных. И не в отрыве от населения, а непосредственно на его крови.

– Хм...

– Ибо кровь из потерпевших – во всех, начиная с апреля, случаях – до капли бывала выжата. Я так и доложил в губернию. Они, отсмеявшись, проспать велели. Ну, я проспался и в Питер, в чека. Тогда с губернии Прозапаса прислали, чтоб излишки изъять и одновременно с вампирами разобрался. Да те, вишь, вперед разобрались с ним. Теперь вот твоя очередь.

На слове чека приезжий опять поморщился. На вампира усмехнулся: мол, средние века в июне 1920-го. Однако спросил:

– И давно сии упыри объявились?

– С апреля, я ж говорю. Народ, конечно, тут же в черную запил. От ужаса.

– А сами они изловить их не пытались?

– Они считают, что упырь как таковой неуловим и, даже будучи уловлен, неуязвим. И что эти упыри в наказание посланы. Кара им за злодейство. Они летом семнадцатого разорили усадьбу помещика Воронцова. Хозяев поубивали. Имущество растащили. Особняк подожгли.

– Конкретные виновники установлены?

– Так я ж и толкую: время убиенным пришло. Вылезли из земли, таскают по два-три бедолаги в неделю. И кровь пьют.

– Я имею в виду виновных в поджоге и убийствах семнадцатого?

– Народ – что стихия, – обобщенно выразился Засыпкин. – Стихийно бунтует, стихийно грабит, стихийно запирается и молчит. Исправник лично стал разбираться, да вдруг революция, полиция разбежалась, уездный участок тут же сожгли. И архивы сожгли. И много чего пожгли в тот период времени.

– Как же сознательные рабочие и матросы упырям поддались?

– Я так думаю, что они, прежде чем реквизировать хлеб, реквизировали самогонку. И пить взялись при поддержке сельских советских органов. А потом уже по домам пойти собирались.

– Продотряд, стало быть, был пьян?

– Так они трезвые не работают.

– Буксует ваша версия насчет помещичьей мести. Или рабочие и матросы тоже эту усадьбу жгли?

– Так версия не моя. Народная. А рабочие, конечно же, ни при чем. Тем более матросы.

– Вы сами видели трупы?

– Кровь словно выкачана из них. Эти упыри чрезвычайно прожорливы.

– И где же они теперь, жертвы прожорливости?

– Пока что в погребе. На леднике. Хочешь взглянуть?

– Нет. Однако что же народ не разбежится от таких ужасов?

– Во-первых, добро покидать жалко. Во-вторых, считают, что от вурдалаков не убежишь. А в-третьих, пьяные все. Пьют и ожидают каждый своей очереди. Так что про хлебосдачу теперь с ними говорить бесполезно: им не до этого. Не боятся властей. Ибо ужас другого рода царит. Более острый. Если этот ужас убрать, то и нас бояться станут. Тогда и продразверстка пойдет своим чередом.

– Как они этих упырей описывают?

– А никак. Невидимые они. Только падалью смердят очень. Кто ж они, в таком случае, как не выходцы из могил? Да мне и самому не верится, что в тридцати верстах от уезда возможно такое. Вот и чоновцы не верят тож... А они ж и разбираться не будут, положат пулеметами всех. Считают, что мужики отряд умертвили. Умертвить-то могли, но чтобы кровь высосать... Противоречие. Ты уж разберись, товарищ Первач, беспристрастно и по справедливости. Они хоть и пьяницы, но не кровопийцы. Сейчас пустые подводы под фураж в Сенькино отправляются. С ними к полудню там будешь. Спросишь Деримедведева. А уж он тебя направит в Пьяное. Понял?

– Вполне.

– Покажешь мандат. Он тебе пулемет даст.

– С пулеметом на вурдалаков? Тут серебряные пули нужны.

– Да я б тебе золотыми гильзы набил, только бы ты мне упырей этих ликвидировал. Ведь и продразверстку, и посевную сорвали. И неизвестно, что еще натворят. Да и слухи ходят туда-сюда, делая людей нервными. Дай, я тебе и записку к нему накорябаю. Может, кого из хлопцев в помощь тебе даст. – Оба помолчали, пока скрипело перо. – Вот, держи. Если что, обратись к попу. Враждебный элемент, но надежный. Даст наиболее толковое объяснение. Остальные либо бабы, либо пьяны. Крест-то на тебе есть?

– Где у вас можно перекусить в период военного коммунизма?

– Так сейчас картошечка подоспеет.

– А еще где?

– Ну... есть тут трактир. Терпим пока. Только он теперь не трактир, а раздаточная. Тут, за углом. – Он вынул из стола бумажный клочок с печатью и вручил командированному. – Это тебе талон на питание.

– Благодарю.

– Питайся... * * * Вывески не было. Бывший трактир он нашел по капустному запаху. И едва, взяв обед, уселся за стол, как в дверях возник давешний фланер. Взглядом обшарив залыце, он сошел со ступенек вниз и без колебаний направился прямо к Георгию. Сел на скамью напротив, облокотился о стол и конфиденциально, но в то же время довольно развязно сказал:

– Я знаю, кто вы...

Так... В левом кармане браунинг. Маузер пока вытянешь из кобуры...

– Извините, но я под окном подслушал... Я был вынужден, я немножко совсем. Пока часовой не прогнал. Я по милости этого заведующего две недели в подвале провёл. В Пьяное Поле направляетесь?

У Георгия несколько отлегло.

– И что? – кашлянув, чтобы снять напряжение в горле, спросил он.

– Я Гамаюнов. Из Питера.

– И что? – повторил свой вопрос Георгий.

– А то... Если вас уполномочили насчет так называемых упырей, то это как раз по моей части. Я тут уже две недели. В основном в подвале. Вчера выпущен.

– Что, уже весь Питер знает про этих потрошителей?

– Слава Богу, не весь. Я же про них специально слухи отслеживал. Всякие странные происшествия в газетах отыскивал и сопоставлял. Проследил через словоохотливую прессу случаи, необъяснимые современной наукой и бессмысленные с точки зрения здравого смысла. По цепочке этих событий и нашёл их след, и он меня в Пьяное Поле привел. И вообще, я про них больше всех знаю. Возьмете меня с собой?

Георгий неопределенно пожал плечами. При желании этот жест можно было и как согласие расценить. У уездного узника желание было.

– Выкладывайте, – сказал Георгий.

– Знаете, в районе Подкаменной Тунгуски в июне 1908 года, то есть ровно двенадцать лет назад...

Вот как? Народная фантастика оборачивается научной.

– Белые ночи 1908-го? Потрошители с Марса? – немного насмешливо перебил Георгий.

– В общем, нашли их совсем в другом месте. В Финском заливе. В 1910 году.

– Тогда какая меж ними связь?

– Чисто умозрительная. Те с неба, и эти с неба. В шлюпке их было восемь.

– Потрошителей?

– Инопланетян. Шлюпка была, конечно, не шлюпка, а герметичная капсула, которую уж не знаю как удалось открыть.

– То есть вы при вскрытии не присутствовали?

– Слушайте дальше. У одного из этих восьми контейнер повредился – то ли при вскрытии, то ли еще раньше, при ударе о Землю, и из него что-то вытекло. Другого убили. Те, кто вскрывали капсулу, из любопытства. Но шестеро выжили, их в Питер перевезли и в строжайшей тайне содержали до недавнего времени. Как были они в контейнерах, так их и содержали в собственном, так сказать... анабиозе. Чуть не сказал, соку... То есть в этой жидкости, видимо, имеющей отношение к их полному жизнеобеспечению.

– В тайне? Что-то не верится, – сказал Георгий. – И где же такие тайны блюдут?

– В одной совершенно частной психиатрической лечебнице.

– Тогда понятно.

– И вот революция: февраль, октябрь. Всеобщее освобождение трудящихся. Многое тайное становится явным, в том числе и местонахождение наших подопечных. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, узнав про них, решил их тоже освободить, и пока что тоже секретно. Отпустить их на Марс, что ли, делегировать с особой миссией, экспортировать марксизм и равенство-братство на одну из ближайших, и в перспективе – дружественных, пла-

нет. Вдруг у них еще нет этого передового учения. Есть ли на Марсе марксизм, да и с Марса они или нет, я не знаю, но произошло следующее. – Гамаюнов перевел дыхание. – Между прочим, обслуга клиники к тому времени разбежалась уже. Ибо паек им не был предусмотрен. Я один остался.

– Так вы, извините, пациентов обслуживали? – Георгию начинал нравиться этот интересный сумасшедший. – Или...

– Никакого, никакого отношения к психиатрии... – заторопился собеседник. – Так вот, некоторые из персонала бежали от голода и советской власти на юг. Двоих расстреляли. Инопланетяне на короткое время остались предоставлены сами себе. Так что, когда сунулись их освобождать – по резолюции Совдепа, товарищ Пигаль с двумя дезертирами – никого при них не было. В общем, этих троих нашли пару часов спустя полностью обескровленными. А инопланетяне – исчезли.

– Зачем же они с освободителями так?

– Для питания. Пищеварительная система у них почти полностью атрофирована. То есть всей этой требухи, где пища переваривается и превращается, у них нет! Видимо, наука у них до того дошла, что перестали нуждаться в пищеварении. Во сне-то много ли надо? Черпали из окружающей среды. То есть из питательного раствора, в коем плавали. А очнувшийся организм более существенной пищи потребовал. Возможно, было у них с собой что-нибудь вроде энергетических микстур, да вместе с кораблем сгинуло.

– Как же они кровь-то высасывают?

– Из вены в вену. У них что-то вроде жала на пальцах рук. Не на всех пальцах, на некоторых. В общем, поручили неболтливым товарищам пришельцев ликвидировать. И меня подключили. Несомненно, до января инопланетяне еще были в Питере. Ибо изредка находили кое-какие тела в обескровленном состоянии. Но потом с продовольствием стало хуже, кровь, что ли, от бескормицы стала некачественная. Да и охота отчасти увенчалась успехом: одного пристрелили таки. Хотя я был против. В общем, они исчезли.

– Так вы думаете, что это они в Пьяном Поле орудуют?

– Несомненно. К тому же я видел трупы, что вчера привезли. Признаки те же, что и на петроградских. И потом – смердят, судя по сообщениям с мест. И невидимки.

– Как же они невидимы?

– За счет оптической воронки. Эта оптическая воронка представляет собой конус рас-
трубом вниз, поверхность которого составляет неизвестное вращающееся энергетическое поле. Вы еще наверно не знаете, но свет состоит из элементарных частиц – световых квантов. Это поле заставляет эти частицы двигаться по дуге в 180 градусов, огибая всё, что находится внутри нее. Инопланетянина, то есть. Таким образом, мы видим, что делается за ним, а его самого – нет. Впрочем, это гипотеза. Вероятно, они отключают защиту, когда чувствуют себя в безопасности. Несомненно, что и эта защита требует каких-то энергозатрат. Ибо косинус этого конуса...

– Так, а что насчет запахов?

– Я думаю, что светозащита является естественным свойством их организма. То есть у них существует особый орган для вырабатывания оптического поля. Точно так же, как ароматические железы вырабатывают присущую им вонь. По запаху мы и обнаруживали их в Питере. Кроме того, они очень опасно вооружены. Тоже естественным образом.

– Чем же?

– У них что-то вроде природного вооружения. Они могут выпускать электрический разряд, смертельный для человека, на довольно значительные расстояния.

– Как же такое возможно?

– Как у электрических скатов, только разряд сильней и действует на расстоянии.

– Как они выглядят, когда в воронки не облачены?

– Худые очень.

– Подробней, пожалуйста.

– Две руки, две ноги. Туловище. Голова. Все присущие человеку органы. Только у них гротескно, утрированно очень. Глаза, например, спереди, а ноздри сзади. Рта, можно сказать, вообще нет – так, приблизительное отверстие, предназначенное, вероятно, для приёма микстур. Некоторые пальцы, я вам уже говорил, снабжены жалами. Ростом чуть поболее человека. Метра два. Стремительны очень.

– Чем же вы их пытались убить? И даже убили?

– Обыкновенно. Пулями.

– Эффективно?

– Несомненно. Как против вас. Лучше стрелять в голову, чтоб ни стрелок, ни жертва не мучились – быстро, безболезненно, наверняка. Только нельзя их убивать, товарищ уполномоченный. Надо их живыми как-нибудь изловчиться и изловить. Сохранить для науки.

– Что ж им, обсасывать советскую власть? Мало вам интервенции и Антанты, хотите, чтоб они изнутри изнурили страну?

– Можно попробовать перевести их на кровь животных. В крайнем случае, если коровья не подойдет, организовать пункты безвозмездной помощи. Донорские. Думаете, не найдутся сочувствующие?

– Найдутся. Это людей пожалеть некому. Значит, их теперь пятеро?

– Четверо. Один в Кронштадте погиб, куда они по ошибке сунулись. Так что я с вами пойду, товарищ. Как свидетель со сведениями я вам совершенно необходим.

– Что ж, пожалуйста, – сказал Георгий. – Завтра в восемь утра встречаемся здесь же. Кстати, где изволите ночевать?

– Комнатку снял у одной старушки. Если желаете вместе...

– Нет, комнатка у меня уже есть.

– Куда же вы теперь?

– В Сенькино. За фуражом.

– И меня возьмите за фуражом. Я могу быть вам полезен и даже приятен.

– Это совершенно в другую сторону, – соврал Георгий. Он твердо решил избавиться от попутчика.

* * *

– Р-р-рахимов! – негромко рыкнул Деримедведев, рассмотрев Егоров мандат. – Где тот пулемет, что Засыпкин ради нас от своего пролетарского сердца оторвал? Передай его товарищу уполномоченному... Для борьбы с вурдалаками, паразитирующими на красной крестьянской крови, – добавил он, ни минуты не веря в эту чушь.

– Как же я ему отдам? Да я ж его только что перебрал, привел в состояние... Я ж и затвор, и рычаг подачи... Он нам самим сгодится, да и потом... – забормотал боец.

– Тогда отправляйся с ним в качестве пулеметчика. Первым номером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.